

Трудности можно пережить умом и мастерством

В жизни эта хрупкая и скромная, но очень сильная и независимая женщина не слишком заметна – пройдет мимо, и вы не обратите на нее внимания. Она царит в других мирах – на сцене. Язык не поворачивается назвать ее звездой, поскольку для звезд нынешней тамурно-глянцевой эпохи с приставкой “мега” противопоказаны не только духовность и интеллект, но и самый обычный ум. Именно к редкой породе мыслящих, тонких, интеллектуальных певцов и принадлежит Наталья ЗАГОРИНСКАЯ.

У нее стабильная система ценностей – оперный конвейер и гастрольный бизнес ее никогда не интересовали. Всегда был и есть только один театр – “Геликон-опера”, только один режиссер – Дмитрий Бертман, только одна главная роль – музы-вдохновительницы. И было две жизни в театре, разделенные барьером вынужденного молчания: “до”, когда нормальным способом сценического существования становилось испуганное самосожжение в духе Комисаржевской, и “после”, когда выстраданная мудрость подвела к секретам “строгаго стиля” и умного самоограничения. “До” была прежде всего ее экстремальная, современная Кармен – нескончаемый яростный драйв, почти что оперный “рок”, роль, которая сделала Загоринскую как таковую; были и другие сумасшедшие, с точки зрения нормальной вокальной психики, эксперименты, когда сегодня ты Аида, завтра Амнерис, а послезавтра Виолетта или даже Розалинда в “Летучей мыши”. “После” пришла экстравертная пора сложных героинь в сложных операх (“Средство Макропулоса” Яначека, “Диалого кармелиток” Пуленка). И все равно воспоминание о ее Кармен до сих пор жжет нашу память.

– Вы в “Геликоне” практически с момента его рождения, ну, самую малость попозже. Не секрет, что театр очень сильно изменился за это время, а изменились ли вы?

– То, что театр меняется, это правильно, но сама я, наверное, не особо меняюсь...

– Со стороны так не кажется, ведь и вокальную манеру вы в течение жизни кардинально меняли, и стиль сценического поведения – и это было похоже на какую-то революцию в сознании...

– Это была вынужденная необходимость, когда мне пришлось начинать с нуля. В такой ситуации у людей обычно два пути: либо мудрость наступает, и ты начинаешь работать не природой, а мастерством и техникой, либо не наступает – и тогда конец. Тогда, в свой сложный период, я остро поняла, как же я люблю музыку. В такие моменты с нами происходят важные прозрения. В молодости у нас одно отношение к вещам, мы стремимся не столько выразить музыку, сколько с ее помощью выразить себя, себя. А потом приходит что-то такое, что невозможно выразить словами, может быть, какой-то высший смысл, – и это дает силы оставаться и идти дальше. Меняются сами темы для выражения: в 10, в 20, в 30 лет мы хотим говорить о разном.

– Несмотря на опасность, люди часто предпочитают традиционным решениям рискованные пограничные ситуации. Допустим, в опере едва ли не самые оригинальные трактовки случаются, когда за партию берется не тот голос, для которого она написана. Не было ли страшно вам, певице-сопрано, подступаться к мощным партиям Кармен и Амнерис, пусть перед глазами и был опыт Леонтин Прайс, Джесси Норман или Гены Димитровой? Что вы думаете об этом с расстояния времени?

– Наверное, так было суждено, и надо было дойти в этом до точки. Что касается Амнерис, это явно не был поступок здравого ума, но как говорится, сам не расшибешься – опыта не наберешься. А вот с Кармен не так все однозначно. Мне нравилось петь эту партию, она хорошо ложилась на мой голос. Есть разные типы певцов. Одни щедро одарены богом большими и красивыми голосами, держат вокальную манеру в строгости, не позволяют себе отойти от академизма – всякие эксперименты, в том числе с тембром, не для них. А зачем? И так все есть. Другие певцы (к ним, кстати, принадлежат и Шалапин. – А.Х.) не имеют столь щедрой природы, и вынуждены удивлять чем-то другим. В силу какого-то несоответствия нутра и вокальных данных и, конечно, в силу своего характера я, наверное, из тех, которым хочется больше, чем ты

Н. Загоринская

можешь. И вот здесь нужны рамки, что-то сдерживающее, педагог, например, потому что кажется – могу, но – не хватает технических ресурсов. По молодости мы часто попадаем на эту удочку, начинаем насиловать голос, и это нехорошо. Теперь-то я понимаю, что цели можно достичь разными путями – можно идти напролом силой, а можно обойти трудности, пережить их умом и мастерством.

– То есть в “прежней жизни” каждый спектакль становился стрессом для вас и для вашего голоса?

– Еще каким! Но ведь это на самом деле не нужно. И теперь я знаю, как добиться такого же эмоционального воздействия с минимальными психическими затратами, не споря дотла.

– И чаще ли теперь приходиться говорить “нет” себе и обстоятельствам?

– Да. Жизнь научила, и не только в театре. Во-первых, не надо столько. А во-вторых, чтобы отдавать, артист должен накаливаться, и я, например, не представляю, как можно “работать” в мюзикле по семь раз в неделю и чаще. Конечно, когда отказываешься, то невольно подводишь людей, поэтому я научилась считать далеко вперед и так рассчитывать свои силы, чтобы потом не было стрессов и каких-то авралов. Когда получаешь слишком много, то не получаешь ни удовольствия, ни дохода, ничего, в итоге не бывает хорошо никому. Процесс извлечения качества из количества, как правило, остается у нас позади, в молодости. Что касается нашего театра, то сейчас это самоограничение от меня самой порой уже и не зависит – у нас стало так много хороших солистов, что дай бог всем составам успеть за сезон спеть свою партию в том или ином спектакле.

– Насколько я знаю, вы с детства серьезно занимались как пианистка, но немного непонятно, каким же образом произошел тектонический сдвиг в вокальную сторону.

– Я училась в ЦМШ на Кисловке, было очень тяжело. У меня абсолютный слух, и мои родители-музыканты, сами не имевшие такового, считали, что я должна извлечь из этого максимум. Ужасное слово “должна!” Это теперь мне ясно: я не ушла, потому что всегда слишком сильно любила музыку. Пела я с рождения и всегда была наполнена звуками, вы ведь понимаете, что такое абсолютный слух. Все звуки жизни отражаются в твоей голове, как ноты определенной высоты, имеют свой тембр и цвет. С детства помню, что, к примеру, паровозные гудки по ночам звучали для меня минорным трезвучием, которое с ними потом и ассоциировалось. Заставляли заниматься через силу, через “не хочу”. В общем, все как у всех. Но случилось счастье – в седьмом классе (конечно, по родственным связям) я попала к Татьяне Николаевой, которая стала тогда преподавать в ЦМШ, и проучилась у нее пять лет до окончания школы (это было как пять лет

бру яркость. В общем, Вера Николаевна – молодец, выдержала.

– А как в вашей жизни появился “Геликон”, ведь вы, наверное, даже и не подозревали о существовании такого театра, хоть он и возник под боком у консерватории?

– Мне дали рекомендацию в аспирантуру (большая удача по тем временам), но чтобы там учиться, надо было где-то работать. Режиссер из консерватории посоветовал сходить в Дом медика, где, по его словам, обосновался новый камерный театр под руководством Дмитрия Бертмана, и что у них я могла бы сделать “Человеческий голос” Пуленка. Так впервые зашла в “Геликон”, но Бертман сказал: взять не можем, мы не бюджетные. И я устроилась иллюстратором в Мерзляковское училище – год тяжелейшей, изматывающей работы в классе с утра до вечера, зато порядком освоила камерный репертуар. Одновременно училась, пела в оперной студии. Там у нас было два дирижера – Рацер и Катаев, и соответственно два лагеря: студенты спрашивали друг друга “к кому пойдешь?”, и это был серьезный выбор. Я попала к Катаеву, и Виталий Витальевич наряду с Николаевой, Кудрявцевой и Бертманом стал одним из тех столпов, на которых держится вся моя жизнь. С ним я сделала свои первые партии: Графиню в “Свадьбе Фигаро”, Агату в “Вольном стрелке”, Джанетту в “Любовном напиток”, Мими, Иоланту. Так вот, была “Иоланта”, довольно удачная. Бертман со своим соратником, тенором Вадимом Заплетным, пришел за кулисы, подошел ко мне и говорит: “Приходите к нам в театр, у нас хорошо”. – “Да-да, конечно”. Переоделась, спустилась вниз, смотрю – стоят, ждут: “Нет, вы все-таки подумайте”. Недели три я думала, пришла и “запала” навсегда.

– Представьте, я помню фестиваль “Геликона” в начале 90-х в Камерном театре Покровского еще на Соколе и вас в роли Соседки в “Мавре” Стравинского. Милое сердцу время, когда младенец “Геликон” еще мог позволить себе и прелестный домашний междусбойчик, и невинную студенческую самостоятельность...

– Дело не в этом. Просто мы совпали. Мы творили. И не важно, что сначала под баян с трещоткой, ведь надо же с чего-то начинать. Мы знали, что это надо пережить, как и последующий период вызывающих, эпатажирующих спектаклей. Зато мы видели перспективу и всегда шли вперед. Здесь у меня произошло освобождение, в том числе от творческих комплексов, которые успешно прививает консерватория. Я даже вокально выросла здесь за первые полгода – не узнать! – именно оттого, что освободилась. Соседка, кстати, была моим дебютом, потом я спела и Парашу, потом “Маддалену” Прокофьева, “Блудного сына” Дебюсси, “Кейстута и Бируту” Скрябина, “Кажия Бессмертного” Римского-Корсакова. Где еще вы споете такой репертуар? А дальше уже были первые спектакли с настоящим большим оркестром – “Гиковая дама”, и наша другая, первая “Кармен”, где я еще была Микаэлой. Я не вдавалась в подробности, что тут было до меня, и тогда еще ничего не знала о том, что театр изначально создавался с расчетом на другую певицу, Татьяну Моногарову. Я пела, работала, мне было хорошо и легко. Это потом уже мне сказали, что я кого-то собой заменила. Как бывает иногда хорошо чего-то не знать!

– Но и в этом случае от проблемы выбора, наверное, было бы не уйти...

– Не знаю, возможно, тем более что физиологические и мышечные аспекты профессии певца не слишком совместимы с пианизмом (при игре сильно напрягаются голосовой аппарат и шейные мышцы). Но выбор был сделан. Правда, я по-прежнему много играла – аккомпанировала все мое вокальное факультету. Пела я довольно пискляво, но мне помогли.

– И кто?

– Если по порядку, то еще в десятом классе я прослушалась у Нестеренко (тогда он был завкафедрой). Я была толстая и считала себя меццо-сопрано. Спела Тоску, и Евгений Евгеньевич говорит: “Вам надо петь”, правда, выдал и обычное в устах мэтра, уставшего от вокальных проблем, предостережение, что, дескать, пение – тяжелый труд и жертва, и зачем вам все это надо, ведь вы уже играете, и ладно. (Интересно, что потом, когда я училась, он не раз менял свое мнение, надо ли мне петь.) Прослушалась у Тица – и он меня поддержал! В общем, поступила к Вере Николаевне Кудрявцевой-Лемешевой. Мы с ней довольно долго занимались (2 года подготовительного отделения, 5 лет консерватории, на четвертом курсе я ушла на год по уходу за ребенком, но продолжала заниматься, и, наконец, 2 года аспирантуры – в общей сложности 10 лет) и в конце концов нашли общий язык.

– Вы притирались характерами, или, допустим, вам казалось, что ваш голос ведет не туда?

– Начав преподавать, я поняла, что это со мной было непростое. Спротивляемость материала была та еще. Казалось, что мне искусственно вышайют tessitura, высокие вещи давались тяжело. Теперь я знаю, почему – не владела дыханием, была упряма, а педагог хотела придать моему тем-

концертом, фестиваль за фестивалем. Сначала Денисов взял меня в Данию, потом во Францию. Из Швейцарии просто не вылезала, сначала пела Денисова, а потом и все остальное: циклы Даллапиккола, Ноно, дошла до Дьёрдя Куртага, это был звездный час... И вдруг я стала чувствовать себя все хуже и хуже. Не буду вдаваться в подробности, но уже потом выяснилось, что у меня серьезные проблемы с сосудами головного мозга, а лечили меня сначала лекарствами, которые еще сильнее навредили. И только когда у меня отнялась правая сторона, я попала в больницу. Пожалуй, это был самый большой ужас моей жизни, несколько лет я не могла прийти в себя. А в это время предложения и контракты на “новую музыку” “сгорали” пачками, я обливалась слезами. Но, видимо, сам Бог дает нам болезнь, чтобы уберечь, остановить, заставить задуматься.

– Расскажите, пожалуйста, о вашей семье.

– У нас почти все музыканты. Брат Александр – известный виолончелист. Родители – пианисты, окончили Московскую консерваторию, оба преподавали, папа сейчас живет в Риге. В общем, природа не отдыхает, и моя дочь – тоже пианистка, окончила в этом году ЦМШ у Павла Нерсесьяна и поступила в Гнесинскую академию. Недавно у нас состоялся первый совместный концерт.

– Поскольку вы образцовая независимая женщина, мы можем спокойно говорить о мужчинах в вашей жизни. Ясно, что Катаев, Денисов, Бертман – это гуру, мэтры, коллеги, а дальше?

– Ну до образцовой мне далеко – я часто себе не нравлюсь, хотя после того, как услышала эти слова из уст Рихтера в замечательном фильме, мне всегда неловко их повторять, но как верно сказано! Мужей официально было два. Простыми отношениями никогда не были, так как за мной всегда что-то стояло – музыка, театр, призвание. И характер, конечно. Видимо, эта раздвоенность и была камнем преткновения (“ты тут дома театр не разводи”). Когда я болела, доктор сказал мне, что два с половиной сантиметра мозга не восстановятся никогда. Иногда мне кажется, что в этих сантиметрах и было заключено все невыразимое страдание моей жизни, и вот его словно вынули из головы. Все плохое вышло, и мне хорошо. В кризисные моменты мне везло на людей, которые помогали понять, как жить дальше. В один из таких периодов один человек объяснил мне: ты ждешь от людей, что они придут и дадут тебе все – карьеру, счастье, любовь, успокоение, но они такие же, как ты, и не имеют ничего этого. Не проси у бедных, несчастных и жаждущих. Вспомни, что у тебя есть Отец небесный (так он сказал), посмотри, сколько он уже тебе дал и дает все время, обратись туда. Я это запомнила, правда, поняла не сразу – нужно иметь веру в самом широком смысле. И хотя я не слышала много в этом пока преуспела, но я очень хочу.

– Какое у вас круг общения?

– Сейчас очень узкий – буквально работа, дом, дочь. В детстве я была необщительной, а потом словно выстрелило: “надо общаться”, но мне кажется, что это мешало главному, заставляло расти вбок. Теперь мне не нужно столько общения.

– На какие-то посторонние увлечения время остается?

– Я люблю кино, смотрю избирательно. Но тут есть одна опасность: мы смотрим фильмы, увлекаемся, сопереживаем, а рядом страдает близкий человек – и мы не замечаем!

– Как вы себя поддерживаете в форме?

– Режим, ограничения, запреты. Но когда в этом существуешь постоянно, то перестаешь замечать.

– И тем не менее, какие у вас гастрономические пристрастия?

– После голодной советской жизни я перепробовала для интереса всякие вкусности, которые появились в последние годы, и поняла: как же я все-таки люблю натуральные, чистые продукты – соленые огурцы, кашу, простую вареную картошку.

– А как получают звание народного артиста, особые ощущения при этом испытываешь?

– Пока только подписан указ о присвоении, но я хотела бы получить в Кремле из рук нашего Президента.

Беседу вел Андрей ХРИПИН
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ